

СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Москва, 2018

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ПЗ7

Платонов, С.

ПЗ7 Русская история / С. Платонов. – М. : T8RUGRAM,
2018. – 476 с.

ISBN 978-5-521-06384-0

Сергей Фёдорович Платонов (1860–1933) – известный русский историк, член Российской академии наук, оставивший после себя множество ценных для отечественной историографии работ.

Творческое наследие Платонова включает в себя фундаментальные работы по истории России. По его лекциям, учебникам и монографиям учились и продолжают учиться множество людей. В этой книге блестяще представлена история России периода Киевской Руси, а также времена правления Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины II, Николая I и других российских монархов.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

ВВЕДЕНИЕ

Наши занятия русской историей уместно будет начать определением того, что именно следует понимать под словами «историческое знание, «историческая наука». Уяснив себе, как понимается история вообще, мы поймем, что нам следует понимать под историей одного народа, и сознательно приступим к изучению русской истории.

История существовала в глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство с античными историками, Геродотом и Фукидидом например, покажет нам, что греки были по-своему правы, относя историю к области искусств. Под историей они понимали художественный рассказ о достопамятных событиях и лицах. Задача историка состояла у них в том, чтобы передать слушателям и читателям вместе с эстетическим наслаждением и ряд нравственных назиданий. Те же цели преследовало и искусство.

При таком взгляде на историю как на художественный рассказ о достопамятных событиях древние историки держались и соответствующих приемов изложения. В своем повествовании они стремились к правде и точности, но строгой объективной мерки истины у них не существовало. У глубоко правдивого Геродота, например, мно-

го басен (о Египте, о скифах и т.п.), в одни он верит, потому что не знает пределов естественного, другие же, и не веря в них, заносит в свой рассказ, потому что они прельщают его своим художественным интересом. Мало этого, античный историк, верный своим художественным задачам, считал возможным украшать повествование сознательным вымыслом. Фукидид, в правдивости которого мы не сомневаемся, влагает в уста своих героев речи, сочиненные им самим, но он считает себя правым в силу того, что верно передает в измышленной форме действительные намерения и мысли исторических лиц.

Таким образом, стремление к точности и правде в истории было до некоторой степени ограничиваемо стремлением к художественности и занимательности, не говоря уже о других условиях, мешавших историкам с успехом различать истину от басни. Несмотря на это, стремление к точному знанию уже в древности требует от историка прагматизма. Уже у Геродота мы наблюдаем проявление этого прагматизма, то есть желание связывать факты причинною связью, не только рассказывать их, но и объяснять из прошлого их происхождение.

Итак, на первых порах история определяется как художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах.

Ко временам глубокой древности восходят и такие взгляды на историю, которые требовали от нее, помимо художественных впечатлений, и практической приложимости. Еще древние говорили, что история есть наставница жизни. От историков ждали такого изложения прошлой жизни человечества, которое бы объясняло события настоящего и задачи будущего, служило бы практическим руководством для общественных деятелей и нравственной школой для прочих людей. Такой взгляд на историю во всей силе держался в Средние века и дожил до наших времен; он, с одной стороны, прямо сближал историю с моральной философией, с другой — обращал историю в

«скрижаль откровений и правил» практического характера. Один писатель XVII века (De Rocoles) говорил, что «история исполняет обязанности, свойственные моральной философии, и даже в известном отношении может быть ей предпочтена, так как, давая те же правила, она присоединяет к ним еще и примеры». На первой странице «Истории государства Российского» Карамзина найдете выражение той мысли, что историю необходимо знать для того, «чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье».

С развитием западноевропейской философской мысли стали слагаться новые определения исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смысл жизни человечества, мыслители обращались к изучению истории или с целью найти в ней решение своей задачи, или же с целью подтвердить историческими данными свои отвлеченные построения. Сообразно с различными философскими системами так или иначе определялись цели и смысл самой истории. Вот некоторые из подобных определений: Боссюэт (в XVII веке) и Лоран (в наше уже время) понимали историю как изображение тех мировых событий, в которых с особенной яркостью выражались пути Провидения, руководящего человеческою жизнью в своих целях. Итальянец Вико (1726) задачею истории как науки считал изображение тех одинаковых состояний, которые суждено переживать всем народам. Известный Гегель в истории видел изображение того процесса, которым «абсолютный дух» достигал своего самопознания (Гегель всю мировую жизнь объяснял как развитие этого «абсолютного духа»). Не будет ошибкою сказать, что все эти философы требуют от истории в сущности одного и того же: история должна изображать не все факты прошлой жизни человечества, а лишь основные, обнаруживающие ее общий смысл.

Этот взгляд был шагом вперед в развитии исторической мысли — простой рассказ о былом вообще или же случайный набор фактов различного времени и места для до-

казательства назидательной мысли не удовлетворял более. Появилось стремление к объединению изложения руководящей идеей, систематизированию исторического материала. Однако философскую историю справедливо упрекают в том, что она руководящие идеи исторического изложения брала вне истории и систематизировала факты произвольно. От этого история не становилась самостоятельной наукой, а обращалась в прислужницу философии.

Наукою история стала только в начале нашего века, когда в Германии в противовес французскому рационализму развился идеализм, в противовес французскому космополитизму появились идеи национализма, деятельно изучалась национальная старина и стало господствовать убеждение, что жизнь человеческих обществ совершается закономерно, в таком порядке естественной последовательности, который не может быть нарушен и изменен ни случайностями, ни усилиями отдельных лиц. С этой точки зрения главный интерес в истории стало представлять изучение не случайных внешних явлений и не личной деятельности выдающихся личностей, а изучение общественного быта на разных ступенях его развития. История стала пониматься как наука о законах исторической жизни человеческих обществ.

Это определение различно формулировали историки и мыслители. Знаменитый Гизо, например, понимал историю как учение о мировой и национальной цивилизации (понимая цивилизацию в смысле развития гражданского общежития). Философ Шеллинг считал национальную историю средством познания «национального духа». Отсюда выросло распространенное определение истории как пути к народному самосознанию. Явились далее попытки понимать историю как науку, долженствующую раскрыть общие законы развития общественной жизни вне приложения их к известному месту, времени и народу. Но эти попытки, в сущности, присваивали истории задачи другой науки — социологии. История есть наука, изучающая и

конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества.

Такая задача требует многого для успешного выполнения. Для того чтобы дать научно точную и художественно цельную картину какой-либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы, 2) исследовать их достоверность, 3) восстановить точно отдельные исторические факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину. Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными критическими приемами. Приемы эти совершенствуются с развитием исторической науки, но до сих пор ни эти приемы, ни самая наука истории не достигли полного своего развития. Историки не собрали и не изучили еще всего материала, подлежащего их ведению, и это дает повод говорить, что история есть наука, не достигшая еще тех результатов, каких достигли другие, более точные науки. И однако, никто не отрицает, что история есть наука с широким будущим.

С тех пор как к изучению фактов всемирной истории стали подходить с тем сознанием, что жизнь человеческая развивается закономерно, подчинена вечным и неизменным отношениям и правилам, — с тех пор идеалом историка стало раскрытие этих постоянных законов и отношений. За простым анализом исторических явлений, имевшим целью указать их причинную последовательность, открылось более широкое поле — исторический синтез, имеющий целью воссоздать общий ход всемирной истории в ее целом, указать в ее течении такие законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только прошлым, но и будущим человечества.

Этим широким идеалом не может непосредственно руководиться русский историк. Он изучает только один

факт мировой исторической жизни — жизнь своей национальности. Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далее такой общей схемы русский историк идти не может, не выходя из границ своей науки. Для того чтобы понять сущность и значение того или другого исторического факта в истории Руси, он может искать аналогии в истории всеобщей; добытыми результатами он может служить историку всеобщему, положить и свой камень в основание общеисторического синтеза. Но этим и ограничивается его связь с историей общей и влияние на нее. Конечной целью русской историографии всегда останется построение системы местного исторического процесса.

Построением этой системы разрешается и другая, более практическая задача, лежащая на русском историке. Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый с своей историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться — долг национальной историографии заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию. Оставаясь в сфере строго научной, выделяя те

господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собою различные стадии русской исторической жизни, исследователь раскроет обществу главные моменты его исторического бытия и этим достигнет своей цели. Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него.

Так и отвлеченные соображения, и практические цели ставят русской исторической науке одинаковую задачу — систематическое изображение русской исторической жизни, общую схему того исторического процесса, который привел нашу национальность к ее настоящему состоянию...

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ

В настоящее время нет нужды указывать на то, что природа страны влияет на быт народа, обуславливает особенности народного хозяйства, налагает свой отпечаток и на весь ход исторического развития общества. Тот, кто хотел бы познакомиться с вопросом о влиянии нашей страны на расселение, быт и историю русского племени найдет прекрасный материал в первом томе «Истории России» С.М. Соловьева; этот историк с особенным вниманием остановился на объяснении того значения, какое имела наша равнина в качестве исторического фактора. В нашем же курсе мы можем дать лишь намеки на главнейшие стороны вопроса. Прежде всего мы отметим, что равнинность страны и обилие речных путей, идущих в разные стороны, должны были содействовать широкому расселению славян, должны были облегчать и даже вызывать тот грандиозный процесс колонизации, которым славянское племя осваивало громадные пространства земель. Факт колонизации — один из самых важных фактов нашей истории, многое объясняющий историку в сфере народного хозяйства и в сфере народного права. Далее, плодородная почва страны и обилие лесов должны были развить земледельческий и лесной промыслы, тогда как реки, вытекавшие